

ГРОДНЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ по воскресеньямъ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Адресъ Редакціи—*Духовная Консисторія.*

Годъ IX-й.

23-го августа 1909 г.

№ 34.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Письмо Предсѣдательницы Комитета Общества по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, отъ 24 іюля 1909 года за № 1206 на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Михаила, Епископа Гродненскаго и Брестскаго.

Ваше Преосвященство

Милостивый Архипастырь.

Св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 5/16 мая с. г. № 4013, разрѣшилъ произвести въ текущемъ году, въ день Усѣкновенія главы Крестителя Іоанна, 29 августа, во время утрени и литургіи, а равно и наканунѣ, во время все-нощнаго бдѣнія, тарелочный въ пользу Общества сборъ во всѣхъ церквахъ Имперіи.

Сборъ этотъ поступить на призрѣніе дѣтей лицъ, погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, подробно указаннымъ въ § 1 прилагаемаго устава Общества. Все это дѣти ^{нишихъ} ^{служащихъ}, павшихъ жертвами своего долга, и оставившихъ свои семьи безъ всякихъ средствъ въ жизни. Наше Общество задалось цѣлью придти на помощь этимъ обездоленнымъ сиротамъ, давъ имъ возможность вырасти такими же честными труженниками и вѣрными слугами Родины, какими были ихъ отцы, а для этого необходимы обширныя средства. Однимъ изъ источниковъ и является упомянутый тарелочный сборъ, но, конечно, при условіи его дѣйствительнаго и успѣшнаго производства.

Любвеобильному Архипастырскому сердцу Вашего Преосвященства ^{участъ} несчастныхъ сиротъ ближе, чѣмъ кому-либо. Это вселяетъ мнѣ убѣжденіе, что и задачи нашего Общества не останутся также ему чужды, а потому считаю долгомъ обратиться съ покорнѣйшею просьбою не ^{отказать} съ своей стороны въ высокому и авторитетному содѣйствію къ тому, чтобы Церковныя Причты отнеслись внимательно къ разсылаемымъ при Церковныхъ Вѣдомостяхъ обращеніямъ Комитета Общества и приложили возможныя старанія и все свое вліяніе къ успѣшному производству сбора.

Вмѣстѣ съ симъ позвольте просить благословенія Вашего Преосвященства на то, чтобы, во избѣжаніе излишнихъ почтовыхъ расходовъ, собранныя суммы о.о. Настоятелями церквей представлялись, при соотвѣтствующихъ актахъ, о.о. Благочиннымъ, а сими послѣдними направлялись въ Комитетъ Общества (С.-Петербургъ, Надеждинская ул., д. 32 кв. 6).

Испрашивая Архипастырскаго благословенія Вашего, съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Преосвященства покорнѣйшею слугою

Гр. А. Шувалова.

Давая знать о вышеизложенномъ къ должному исполненію Гродненская Духовная Консисторія, во исполненіе резолюціи Его Преосвященства отъ 12 августа 1909 г. за № 3035 предписываетъ духовенству Гродненской епархіи оказать содѣйствіе къ успѣшному осуществленію церковнаго сбора 29 сего августа и собранныя деньги вмѣстѣ съ актами направлять чрезъ о.о. благочинныхъ въ Комитетъ Общества.

Къ свѣдѣнію духовенства и паствы Гродненской епархіи.

Въ отмѣну извѣщенія, помѣщеннаго въ № 33 Гродненскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, симъ объявляется, что торжественное освященіе часовни въ городѣ Брестъ-Литовскѣ на мѣстѣ мученической кончины Св. Преподобномученика Аѳанасія, Игумена Брестскаго, имѣеть быть совершено Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Михаиломъ, Епископомъ Гродненскимъ и Брестскимъ, не 5-го, а, по особымъ обстоятельствамъ, въ воскресенье — 20 сентября сего 1909 года.

Въ виду великой исторической важности предстоящаго православно-русскаго торжества, духовенство и паства Гродненской епархіи усерднѣйше приглашаются принять въ немъ самое живое и дѣятельное участіе, не меньшее того участія, какое они съ такою похвальною ревностію во славу Божию, въ честь св. преподобномученика Аѳанасія и во спасеніе своихъ душъ проявили въ незабвенные дни славнаго Брестскаго торжества закладки часовни 2/3 мая сего года.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Отъ Совѣта Виленскаго епархіальнаго женскаго училища при Маріинскомъ женск. монастырѣ объявляется для свѣдѣнія родителей и опекуновъ, что пріемные экзамены для поступающихъ въ училище въ этомъ году, а также переэкзаменовки и дополнительные экзамены для воспитанницъ училища назначены на 27-е число августа (четвергъ), — въ этотъ день дѣти должны быть доставлены въ училище (въ зданіи монастыря) къ 9-ти часамъ утра.

Резолюціями Его Преосвященства:

отъ 12-го августа за № 3053 псаломщикъ Андроновской церкви, Кобринскаго уѣзда, Николай Іодковскій, согласно прошенію, перемѣщенъ на вакансію псаломщика при церкви села Миловиды, Слонимскаго уѣзда.

Отъ 14-го августа за № 3062, псаломщикъ Радостской церкви Алексѣй Вѣчаниновъ, перемѣщенъ согласно прошенію, къ Брестской Свято-Николаевской церкви.

Отъ 18-го августа за № 3093, псаломщикъ Церковнической церкви, Брестскаго уѣзда, Феодоръ Драгунъ перемѣщенъ, согласно прошенію, на вакансію псаломщика къ Пружанской Пречистенской церкви.

Отъ 18-го августа за № 3098, псаломщикъ Песковской церкви, Волковыскаго уѣзда, Никита Томчукъ, согласно прошенію, перемѣщенъ къ Верстокской церкви, Брестскаго уѣзда.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА:

священниковъ: 1-го священника при церкви села Грушева, Кобринскаго уѣзда, с. Радости, Брест. у., с. Дмитровичахъ, того же уѣзда, м. Сухополѣ, Пружанск. у., и с. Пашукахъ, Брестскаго уѣзда.

Псаломщиковъ: с. Луконицахъ, Слонимскаго уѣзда, при желѣзно-дорожной церкви на ст. Погодино, с. Ополѣ, Кобринскаго уѣзда, с. Лашѣ, Гродненскаго уѣзда, с. Андроновѣ, Кобринскаго уѣзда, с. Радости, Брестскаго уѣзда, с. Церковникахъ, Брест. уѣзда, м. Пескахъ Волков. уѣзда.

Редакторъ *Н. Шелутинскій.*

ГРОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ БѢДОЖОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мои семинарскія воспоминанія*).

Въ воспоминаніяхъ моихъ о Жировицахъ**), я закончилъ надзирательствомъ своимъ въ Виленскомъ духовномъ училищѣ, пропустивъ, такимъ образомъ, промежутокъ шестимѣсячнаго курса ученія своего въ семинаріи. Пробѣлъ весьма важный въ ученической жизни, гдѣ, въ этотъ періодъ юности, проявляются первые проблески самостоятельнаго мышленія и складывается уже личность человѣка. Въ настоящей замѣткѣ желательно мнѣ подѣлиться, съ оставшимися еще въ живыхъ моими сокашниками, своими воспоминаніями изъ жизни семинарской, на сколько позволяетъ ослабѣвающая память семидесятипятилѣтняго старца. Я думаю, что время, проведенное въ семинаріи жизнерадостнымъ еще юношей, едва ли не самое свѣтлое на фонѣ жизни нашего сельскаго іерея, который, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности встрѣчаетъ уже явленія, требующія напряженія какъ нравственныхъ такъ и умственныхъ силъ. Священникъ

*) Читатели оцѣнятъ эти воспоминанія какъ дорогой талантливый отзвукъ ихъ родной старины. Ред. заранѣе присоединяется къ чувству благодарности духовенства епархіи своему маститому собрату.

**) См. „Гроднен. Епарх. Вѣд.“ декабрь 1905 г.

въ глуши, удаленный отъ образованнаго общества, лишень возможности пользоваться умственной пищей и долженъ находить внутри себя ту силу духа, которая давала бы импульсъ всей его дѣятельности. Поэтому, вынесенный изъ семинаріи маленькій багажъ знанія, съ которымъ выступаетъ молодой іерей активнымъ работникомъ на ниву Господню, является весьма цѣннымъ. Въ настоящую эпоху, конечно, просвѣтительные лучи проникають уже въ самые дебри деревенскаго населенія, но, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, книги и свѣжая газета, были привилегіей состоятельныхъ только людей. Въ первые годы моей службы на приходѣ, откровенно скажу, кромѣ календаря, я не видѣлъ ни одной русской книги гражданской печати; изъ своего скромнаго бюджета я не имѣлъ никакой возможности отдѣлать какую-нибудь часть на выписку хотя бы самой дешевой газеты, да и дешевыхъ газетъ тогда еще не было; о благотворительныхъ библіотекахъ не было и помину. Поэтому, *volens volens*, приходилось пользоваться даровымъ матеріаломъ чуждой мнѣ литературы изъ библіотекъ помѣщиковъ. Едва только въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ польскаго возстанія, была уже возможность позволить себѣ роскошь читать русскую газету благодаря выдаваемымъ денежнымъ пособіямъ нашему сельскому духовенству. Отраднымъ явленіемъ была тогда для насъ, сельскихъ іереевъ, дешевая Московская газета „День“ незабвеннаго Ивана Сергѣевича Аксакова великаго печальника о судьбѣ нашего западно-русскаго края съ его многострадальнымъ православіемъ. Много бодрости тогда принесло нашему духовенству сочувственное отношеніе къ нему Московскаго органа, страницы котораго, были открыты для корреспонденціи изъ нашего края.

Въ 1849 году явилось насъ въ Виленскую семинарію новичковъ изъ четырехъ училищъ: Виленскаго, Жировицкаго, Кобринскаго и Березбечскаго, человекъ около 100; народъ все робкій, въ особенности помню удрученный видъ изъ себя представляли наши Жировицкіе монастырскіе страстотерпцы, худосочный видъ которыхъ,

отъ постоянныхъ голодовокъ, рѣзко выдѣлялся отъ всей остальной толпы. Въ то время шестилѣтній семинарскій курсъ раздѣлялся на три отдѣленія—низшаго, средняго и высшаго, носящихъ громкое классическое названіе: риторовъ, философовъ и богослововъ. Всѣ воспитанники размѣщались въ корпусѣ по отдѣленіямъ въ двухъ верхнихъ этажахъ Св.-Троицкаго монастыря; въ нижнемъ этажѣ помѣщалась монашеская братія и ректоръ семинаріи, какъ настоятель монастыря. Тогда еще внутреннее устройство семинарскаго корпуса носило прежній характеръ монастыря. При переводѣ семинаріи изъ Жировиць, требовалось много средствъ для капитальнаго ремонта и приспособленія монастырскаго корпуса въ учебное заведеніе, а такихъ мѣстныхъ средствъ едва хватило только на болѣе или менѣе приличное устройство, какого требовала необходимость. Послѣ упраздненія базилянскаго ордена въ тридцатыхъ годахъ, монастырь Троицкій, нѣкоторое время вмѣщалъ въ нѣдрахъ своихъ политическихъ преступниковъ; на память объ этихъ квартирантахъ оставались еще въ дверяхъ круглыя окошечки, очень непріятныя для семинаристовъ, дававшія возможность, начальствующимъ лицамъ дѣлать, невзначай, свои наблюденія. Вся наша группа новопоступившихъ, была размѣщена на третьемъ этажѣ въ приспособленномъ для этого тепломъ корридорѣ; помѣщеніе это, по своей фигурѣ длиннаго прямоугольника, носило въ шутку кличку „оборы“*); въ нему примыкали кельи безъ дверей, которыя тоже были заполнены квартирантами; спальни служили вмѣстѣ и занятными.

Послѣ Жировицкой спартанской школы, наложившей на своихъ питомцевъ печать нервности, семинарія показала намъ какимъ-то привилегированнымъ заведеніемъ; тутъ мы въ первый разъ слышали обращеніе начальствующихъ лицъ къ ученикамъ на вы; персоналъ учащихся, хотя и облеченныхъ въ вицмундиры не производилъ уже на насъ того безотчетнаго чувства боязни, ка-

*) Мѣстное народное названіе скотнаго сарая.

кое всегда являлось при видѣ своего Жировицкаго педагога. Начальство состояло изъ о. ректора, инспектора и его помощника; этотъ послѣдній, не участвовалъ, кажется, ни въ какихъ распоряженіяхъ,—роль его ограничивалась лишь въ появленіяхъ иногда въ столовую во время обѣда. Никакихъ штатныхъ надзирателей тогда не было. Весь внутренній распорядокъ обыденной ученической жизни семинаріи, лежалъ на богословахъ, которые были размѣщены въ одиночку среди риторовъ и философовъ и носили названіе дежурныхъ; выдающіеся изъ богослововъ назначаемы были руководить ритораміи. Дежурные эти вполне достойно носили званіе свое менторовъ и держали себя относительно младшихъ юнцовъ весьма солидно: ихъ авторитетъ среди новичковъ, имѣлъ воспитательное значеніе. Живо помнится мнѣ первый мой дежурный, Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, извѣстный впоследствии профессоръ и публицистъ; необыкновенно ласковый въ обращеніи, онъ сразу завоевалъ наши симпатіи. Его трудолюбіе и аккуратность во всемъ его обиходѣ, служили для насъ живымъ примѣромъ порядочности. Михаилъ Осиповичъ тогда усиленно занимался иностранными языками; французская книга была всегда у него настольной и нѣкоторые наши риторы, пользовались его указаніями по части французскаго произношенія, которое весьма трудно доставалось нашимъ семинаристамъ. Изъ комнатныхъ дежурныхъ по очереди назначался дежурный по всему корпусу на цѣлую недѣлю и на это время, онъ освобождался отъ своихъ классныхъ уроковъ. Обязанности его состояли въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ инструкціи всѣми воспитанниками какъ относительно утренняго вставанія (въ 6 час. утра) такъ и хожденія въ классы, а равнымъ образомъ, чистоты и опрятности въ спальняхъ. Черезъ посредство его докладывалось начальству о нуждахъ воспитанниковъ, которыя состояли большею частью въ увольненіи въ городъ. Тогда самовольная отлучка изъ корпуса весьма строго воспрещалась даже и не въ урочное время; желающій отлучиться въ городъ получалъ отпускнуя би-

летъ за подписью инспектора, въ которомъ прописано время, въ которое воспитанникъ долженъ возвратиться и вручить билетъ свой дежурному. Для этого велся особый журналъ, въ которомъ значились номера отпускныхъ билетовъ. Больше одного раза въ двѣ недѣли не отпускали, развѣ по особенно уважительнымъ причинамъ. Дежурный по корпусу ежедневно являлся къ о. ректору съ журналомъ, въ которомъ записывалъ свои впечатлѣнія дня и гдѣ больше всего повторялись стереотипныя фразы: все обстоять благополучно. Но для о. ректора болѣе интересенъ былъ словесный докладъ дежурнаго, для котораго являлся большой просторъ на вопросы начальства излагать свои впечатлѣнія, иногда переходящія границы официального доклада, въ зависимости, конечно, отъ душевныхъ качествъ докладчика. По всей вѣроятности, учрежденіе этого маленькаго административнаго органа, вело свое начало съ запада, гдѣ организація духовныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній имѣла фискальный характеръ. Дежурный также смотрѣлъ за порядкомъ въ столовой и даже имѣлъ нѣкоторое касательство по кухнѣ, такъ какъ благотворнымъ тамъ его вліяніемъ нерѣдко пользовались товарищи его — богословы, получая пищу болѣе уснащенную питательными элементами. Каждый дежурный по корпусу, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, неспустительно получалъ наказъ отъ товарищей — блюсти заповѣдь братской любви, которая здѣсь выражалась въ насыщеніи алчущихъ, каковыми были и всѣ прочіе воспитанники, въ особенности въ постные дни.

При моемъ поступленіи въ семинарію, ректоромъ былъ архимандритъ Филаретъ (Малиновскій) одинъ изъ сподвижниковъ митрополита Іосифа въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ, магистръ богословія, воспитанникъ главной Виленской семинаріи, впоследствии епископъ Ковенскій и затѣмъ Епархіальный — Нижегородскій. За время ректорства архимандрита Филарета мои субъективные силы были еще настолько слабы, что не оставили въ моей памяти нужнаго матеріала для воспоминаній, которыя имѣли бы въ настоящее время нѣкоторый интересъ.

Среди семинаристовъ носилось тогда мнѣніе, что натура ректора была мягкая, весьма подалливая вліянію окружающей его среды; къ такому мнѣнію подало поводъ слѣдующее обстоятельство: въ первое полугодіе послѣ нашего поступленія въ семинарію исключено было, послѣ экзаменовъ, (экзамены тогда были полугодичные) за малоуспѣшность болѣе двадцато риторовъ да изъ средняго отдѣленія нѣсколько человѣкъ. Такого большаго процента исключенныхъ никогда не было въ прежнее время — за ректорство Преосвященнѣйшаго Евсевія, предмѣстника архимандрита Филарета. Письмоводители семинарскаго правленія, присутствующіе при окончательной конфирмаціи этого акта говорили, что ректоръ подписывая постановленіе правленія, прослезился. Очевидно, что тутъ воля его не участвовала, авторитетъ другихъ возымѣлъ рѣшающее значеніе. Кромѣ малоуспѣшности поводомъ къ тому, говорили, послужилъ еще большой наплывъ новопоступившихъ риторовъ, съ которыми было затруднительно справляться преподавателямъ. Инспекторомъ семинаріи былъ тогда Кандидовъ, магистръ богословія, опытный и строгій администраторъ, начавшій свою службу еще въ Жировицахъ, когда семинарія и уѣздное училище составляли одну корпорацію, находящуюся подъ его непосредственнымъ вѣденіемъ. Подъ его же руководствомъ устранилась семинарія въ Вильнѣ и весь первоначальный циклъ административнаго порядка былъ имъ положенъ. Мы, риторы, его очень боялись: маленькій, юркій, своимъ громкимъ металлическимъ теноркомъ наводилъ на насъ страхъ. Преподавалъ онъ логику и психологію, бывшіе его ученики очень высоко цѣнили его преподаваніе; мы только что перешли на философію, какъ онъ перевелся изъ духовнаго вѣдомства въ министерство народнаго просвѣщенія.

Помощникомъ инспектора былъ Іосифъ Павловичъ Демьяновичъ, — впоследствии директоръ Гродненскихъ народныхъ училищъ, преподавалъ онъ всеобщую исторію и греческій языкъ въ низшемъ отдѣленіи. Главнымъ же педагогомъ у насъ, риторовъ, былъ незабвенный Нико-

димъ Самуйловичъ Шостаковскій,— онъ преподавалъ латинскій языкъ, математику, пасхалию и вѣроученіе по конспекту Кіевскаго митрополита Петра Могилы. Латинскій языкъ шель у насъ недурно; много было латинистовъ хорошо подготовленныхъ, въ особенности, изъ учениковъ Мамерта Игнатьевича Гомолицкаго и преподавателю не было никакой трудности, продолжать чтеніе древнихъ латинскихъ писателей. Но камнемъ предпokenенія была для насъ математика: слабая подготовка полученная въ училищѣ убила всякую энергію и желаніе серьезно заняться предметомъ требующимъ усидчиваго труда; кромѣ нѣсколькихъ любителей, никто не задавалъ себѣ труда погружаться въ эту пучину мудрости. Между тѣмъ, преподаватель нашъ, Никодимъ Самуйловичъ, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ выводилъ на доскѣ свои теоремы и всѣми способами старался вдолбить въ наши тугіе головы математическія формулы, которыя все таки оставались для насъ мертвыми. Никодимъ Самуйловичъ, питомецъ Кіевской академіи, родомъ малороссъ, сохранившій въ своей рѣчи родной свой акцентъ, любилъ юношество и съ любовью не лѣстно преподавалъ свои предметы; но, при всѣхъ прекрасныхъ его качествахъ ума и сердца, не доставало ему твердости характера. По какому то недоразумѣнію, для его педагогической дѣятельности, была отведена аудиторія не подходящая къ его мягкому характеру; его назначили преподавателемъ въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, гдѣ самый переходный возрастъ юнцовъ требовалъ отъ педагога обладанія ровнымъ и твердымъ характеромъ. По этому, на урокахъ Никодима Самуйловича, происходилъ вѣчный шумъ и гамъ; за продолжительное свое преподаваніе, онъ такъ привыкъ къ этому шуму, что тишиной какъ будто даже тяготился. Иногда становилась безусловная тишина, въ классѣ слышно жужжаніе мухи, Никодимъ Самуйловичъ, стучитъ по столу карандашемъ съ неизмѣнными своими выкриками „тыше! тыше!...“ Случалось иногда что среди подобнаго шума и гама и сердитыхъ выкриковъ Никодима Самуйловича, открываются двери и является начальству-

ющее лицо въ особѣ о. ректора. „У васъ кажется шумять?...“ „Нѣтъ, нѣтъ, занимаемся алгеброй...“ Начальство обводитъ всѣхъ насъ своимъ строгимъ взглядомъ и, ничего не сказавъ, удаляется. А мы, мальчуганы, не считаемъ даже своимъ долгомъ благодарить Никодима Самуйловича, за его къ намъ добросердечіе.

Послѣ перехода моего въ среднее отдѣленіе, наступила перемѣна нашего семинарскаго начальства. На мѣсто Филарета, который получилъ назначеніе въ Ковно, прибылъ къ намъ ректоръ архимандритъ Александръ (Добрининъ) и вскорѣ за нимъ новый инспекторъ, крестовой іеромонахъ, о. Веньяминъ (Платоновъ). Оба магистры богословія. Архимандритъ Александръ, впослѣдствіи архіепископъ Литовскій и Виленскій, извѣстенъ всему нашему сѣверо-западному краю по своей продолжительной административной дѣятельности и, какъ архипастырь, стяжавшій себѣ отъ управляемаго имъ духовенства, неизгладимую память глубокой признательности за его неуныныя заботы о матеріальной нуждѣ, въ которой находились наши сельскіе іереи до польскаго мятежа. Теперешними церковными угодіями Ковенскаго викаріата духовенство обязано приснопамятному архіепископу Александру въ бытность его тамъ викаріемъ. Надо вспомнить, что необыкновенно важный историческій моментъ переживалъ нашъ край во время бытности Преосвященнѣйшаго Александра Литовскимъ викаріемъ. Во время польскаго мятежа 1863 года, митрополитъ Іосифъ, на склонѣ дней своихъ, былъ удрученъ уже тяжкимъ недугомъ, притупившимъ прежній орлиный взглядъ его на все окружающее. А тутъ нахлынула волна разныхъ политическихъ комбинацій относительно обрусѣнія края. Явившіеся изъ центральныхъ губерній чиновники, услышавъ польскую рѣчь въ нѣкоторыхъ домахъ священниковъ, подняли тревогу объ ополяченіи православнаго духовенства и его непригодности въ краѣ, въ смыслѣ проведенія русскихъ началъ въ духѣ древлеправославнаго благочестія. Преосвященнѣйшій Александръ, чистокровный русскій, уроженецъ Ярославской губерніи, много лѣтъ уже про-

жившій въ нашемъ краѣ, выступилъ борцомъ противъ тѣхъ патріотовъ, которые, не имѣя основательнаго знакомства съ прошедшей исторической судьбой края, дѣлали свои сужденія по впечатлѣніямъ, произведеннымъ на нихъ одной внѣшностью. Типъ западно-русскаго крестьянина рѣчью отличается отъ великоросса; тѣмъ болѣе отличался типъ священника изъ бывшихъ униатовъ, на которомъ непремѣнно должна была отражаться печать той культуры, которая обнимала всю жизнь страны на протяженіи почти трехъ столѣтій. Но я возвращаюсь ко времени прибытія архимандрита Александра на свой постъ ректора семинаріи. Тогда вмѣстѣ съ нимъ прибылъ родной его племянникъ, Петръ Велтистовъ и поступилъ въ наше среднее отдѣленіе; юноша вообще весьма талантливый—обладающій, между прочимъ, недюжинными драматическими способностями. Ему то мы были обязаны тѣми пріятными минутами, которыя разнообразили замкнутую нашу жизнь. Тогда хожденіе въ театръ воспитанникамъ семинаріи, весьма строго воспрещалось и вотъ, по его инициативѣ и ходатайству у добраго своего дядюшки, устраивались у насъ на святкахъ и масляной любительскіе спектакли. Явились свои декораторы въ устройствѣ сцены, добыли необходимые женскіе костюмы для своихъ импровизованныхъ актрисъ и, подъ руководствомъ своего режиссера Петра Велтистова, стали разыгрывать комедіи и водевили. Помню, ставили на свою сцену „Горе отъ ума“ Грибоѣдова; вещь эта очень трудная, была не по-силамъ нашимъ артистамъ; но комедія „Недоросль“ Фонвизина, произвела просто фуроръ среди нашей нетребовательной публики. Играли еще много и другихъ водевилей, въ которыхъ многіе участники игры, выказали свои артистическія способности.

Былъ у насъ и свой небольшой оркестръ, состоящій изъ нѣсколькихъ скрипокъ и виолончели, подъ звуки котораго нерѣдко устраивались и танцы. При всѣхъ увеселительныхъ собраніяхъ, никогда не было у насъ возбуждающихъ веселіе напитковъ, кромѣ чаю, которымъ снабжали насъ владѣльцы жестяныхъ самоваровъ (казен-

ных самоваровъ тогда не было) да еще, грѣшнымъ дѣломъ, угощались сигарнымъ дымкомъ, который, въ виду возможнаго нашествія начальства, пропускался въ печную вьюшку.

Необыкновеннымъ тактомъ разумнаго воспитателя обладалъ незабвенный нашъ ректоръ: при его полномъ освѣдомленіи о всѣхъ явленіяхъ текущей ученической жизни, никогда онъ не позволялъ себѣ увлечься преслѣдованіемъ какихъ-нибудь мелочей, которыя обыкновенно вносятъ раздраженіе среди молодежи и тѣмъ подрываютъ нѣсколько начальственный престижъ. Онъ имѣлъ способность угадывать душевныя качества своихъ питомцевъ и, при составленіи разрядныхъ списковъ, былъ всегда защитникомъ тѣхъ малоусѣбныхъ, которые, по его мнѣнію, обладали нужными качествами для будущаго служителя церкви. Глубоко запала въ памяти моей рѣчь, сказанная намъ о. ректоромъ предъ нашимъ выпускомъ на послѣднемъ его урокъ—(онъ преподавалъ догматическое богословіе). Напутствуя насъ на предстоящую намъ будущую дѣятельность, много говорилъ онъ о благородствѣ души и чести, которыя должны быть всего дороже человѣку въ какихъ бы онъ обстоятельствахъ не находился. „На жизненномъ пути вашемъ, говорилъ о. ректоръ, могутъ встрѣтиться лезть и зависть—эти спутники общественной жизни, вносящіе обыкновенно смуту и раздоръ. Въ служебномъ дѣлѣ иногда слушаютъ доносы, но помните, что доносчика въ душѣ презираютъ“. Послѣдніе слова его, насъ очень поразили, въ нихъ, какъ будто, сказывался тонкій намекъ и на нашихъ нѣкоторыхъ семинарскихъ репортеровъ, подозрѣваемыхъ нами раньше въ доносахъ.

Инспекторъ нашъ, о. Веніаминъ, не проявлялъ особенной административной дѣятельности и, въ этомъ отношеніи, былъ слабымъ помощникомъ о. ректору. Это былъ кроткій незлобивый молодой монахъ, съ своеобразными понятіями и взглядами на жизнь. Преподавалъ онъ у насъ логику и психологію,—но эти предметы были для него *terra incognita*. Случилось такъ, что съ при-

бытіемъ его въ нашу семинарію, кафедра эта была осиротѣлой и, такимъ образомъ, спеціальнѣйшій богословъ очутился въ чуждой ему научной области. Поэтому вышла у насъ по его предметамъ большая заминка. По логикѣ и психологіи о. Веніаминомъ выдавались записки чисто богословскаго характера, которыя приходилось намъ зубрить, но по своей удаленности отъ спеціальнаго предмета и подъ давленіемъ критики мѣстныхъ преподавателей, дальнѣйшій выходъ записокъ съ половины учебнаго года былъ прекращенъ и предметы эти не были даже внесены въ экзаменаціонный конспектъ, въ виду присутствія на экзаменахъ самаго серьезнаго критика — владыки. Покойный митрополитъ Іосифъ, неопустительно прѣзжалъ къ экзаменамъ воспитанниковъ, поступающихъ въ богословскій классъ; онъ каждого будущаго богослова долженъ видѣть, послушать каждого отвѣтовъ, спросить о его поведеніи; иногда полюбозытствуетъ прослушать у кого-нибудь его сочиненіе; автору высокопарныхъ фразъ, шутливо, бывало, замѣтить: „я, что-то тутъ хорошо не понялъ, если такимъ языкомъ будешь говорить своимъ прихожанамъ, то мужички тебя ничего не поймутъ“. Посѣщенія владыкой семинаріи во время экзаменовъ, наводили на всѣхъ страхъ, и на учащихъ, и на учащихся. Въ случаѣ провала по какому-нибудь предмету преподаватель могъ иногда услышать весьма нецеремонное къ нему обращеніе, не говоря уже объ ученикахъ, которымъ грозилъ третій разрядъ или лишеніе казеннаго содержанія.

Въ то время мы были первымъ еще поколѣніемъ, получающимъ образованіе въ духѣ и по типу православныхъ духовныхъ семинарій. Наши отцы, бывшіе униаты, неимѣющіе своихъ учебныхъ заведеній, воспитывались вмѣстѣ съ польскою шляхтою въ существующихъ тогда польскихъ гимназіяхъ въ нашемъ краѣ, а нѣкоторые, въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ. Отецъ мой часто говорилъ, что когда онъ по окончаніи главной семинаріи въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ назначенъ преподавателемъ въ новоустроенной семинаріи въ Жировицахъ, то долженъ былъ самъ брать уроки русскаго

языка, такъ какъ въ Виленской духовной семинаріи лекціи читались на латинскомъ и польскомъ языкахъ. По этому митрополитъ Іосифъ приготавливая пастырей для новоприсоединенной паствы, заботился необыкновенно о хорошей постановкѣ учебнаго дѣла въ семинаріи. Онъ неопустительно слѣдилъ какъ за преподаваніемъ, такъ и за воспитательной частью, малѣйшій пробѣлъ въ чемъ-нибудь былъ ему сейчасъ извѣстенъ. Онъ очень гордился созданной имъ первой чисто православной семинаріей. Помнится мнѣ, когда покойный Государь Императоръ, Николай Павловичъ, пріѣзжалъ въ Вильно осматривать войска гвардіи (въ 1850 или 51 году) и посѣтилъ кафедральный соборъ, то владыка послѣ молебствія выйдя изъ алтаря и взявъ Государя Императора за руку, съ самодовольной улыбкой подвелъ къ намъ семинаристамъ со слѣдующими словами: „представляю Вашему Императорскому Величеству добрую и благонадежную молодежь“. На что Государь намъ сказалъ: „дай Богъ быть вамъ такими, какими слѣдуетъ быть“. Одному изъ этой нашей группы семинаристовъ, стоявшихъ тогда предъ Государемъ, впоследствии суждено было воспріять вѣнецъ мученичества. Въ 1863 году во время польскаго мятежа о. Романъ Рапацкій мятежниками былъ повѣшенъ. Это былъ юноша необыкновенно кроткій, любимый всѣми товарищами. Вся знать, бывшая тогда въ соборѣ, русская и польская, удивилась такой близости митрополита къ Государю. Виленскіе поляки, какъ часто давалось намъ слышать, называли насъ всегда „сѣмашками“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. Инатій Пашкевичъ.

Редакторъ *Н. Шелутинскій.*

Печатать разрѣш. 1909 г. 22 августа. И. д. цензора, прот. *П. Дедевичъ.*
Гродненская Губернская Типографія.